

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 342.7; 316.42

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-51-63

Интеграция права и морали в системе обеспечения прав и свобод личности

Иванова О.С. , Чалых И.С.

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Россия, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55
E-mail: kgpd@syktsu.ru

Статья подготовлена с использованием Справочной Правовой Системы «КонсультантПлюс»

Аннотация. На основе системного подхода и формально-юридического анализа обоснована авторская позиция о соотношении права и морали в аспекте обеспечения субъективных прав и свобод, баланса интересов личности, общества, государства, где в качестве оптимальной определена интегративная модель. Рассмотрена практика правотворчества и правоприменения с использованием морально-нравственных норм и категорий в России и ряде зарубежных стран. Сформулирован вывод об угрозе возникновения правозащитных рисков при отсутствии рациональных ограничений такого использования, как и в случае игнорирования морально-нравственного контекста. Обоснована прямая взаимосвязь правовых и морально-этических проблем (конфликтов), что требует системного подхода к их разрешению. Приведена доктринальная оценка правовых средств противодействия морально-этическим конфликтам в контексте обеспечения прав и свобод личности, достижения социального компромисса. Определено, что именно право призвано сформировать рациональные гарантии учета моральной составляющей при регламентации общественных отношений. С опорой на зарубежный опыт предложены инструменты достижения указанной цели с акцентом на конкретизации и законодательном закреплении правовых принципов, приоритетов, ценностей и морально-этических критериев принятия правовых решений.

Ключевые слова: право, мораль, нравственность, взаимодействие, личность, общество, государство, баланс, гарантии, риски, морально-этический конфликт, критерии

Для цитирования: Иванова О.С., Чалых И.С. 2023. Интеграция права и морали в системе обеспечения прав и свобод личности. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 48(1): 51–63. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-51-63

Integration of Law and Morality in the System of Ensuring the Rights and Freedoms of the Individual

Olga S. Ivanova , Irina S. Chalykh

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
55 Oktyabrsky Av, Syktyvkar 167001, Russian Federation
E-mail: kgpd@syktsu.ru

The article was prepared using the Reference Legal System "ConsultantPlus"

Abstract. Based on a systematic approach and formal legal analysis, the article substantiates the author's position on the relationship between law and morality in the aspect of ensuring subjective rights and

freedoms, the balance of interests of the individual, society, state, where the integrative model is defined as optimal. The practice of law-making and law enforcement with the use of moral norms and categories in Russia and a number of foreign countries is considered. The conclusion is formulated about the threat of human rights risks in the absence of rational restrictions on such use, as well as in the case of ignoring the moral context. A direct relationship between legal and moral and ethical problems (conflicts) is substantiated, which requires a systematic approach to their resolution. A doctrinal assessment of the legal means of counteracting moral and ethical conflicts in the context of ensuring the rights and freedoms of the individual, achieving social compromise is given. It is determined that it is law that is called upon to form rational guarantees for taking into account the moral component in the regulation of social relations. Based on foreign experience, tools are proposed to achieve this goal with an emphasis on concretization and legislative consolidation of legal principles, priorities, values and moral and ethical criteria for making legal decisions.

Keywords: law, morality, ethics, interaction, personality, society, state, balance, guarantees, risks, moral and ethical conflict, criteria

For citation: Ivanova O.S., Chalykh I.S. 2023. Integration of Law and Morality in the System of Ensuring the Rights and Freedoms of the Individual. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 48(1): 51–63 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-51-63

Введение

Проблематика соотношения права и морали, нравственности, этики, в том числе правовых и социальных норм, «традиционно сохраняет актуальный и дискуссионный характер, несмотря на общепризнанность неразрывной взаимосвязи данных категорий, что подтверждается современной доктриной, имеет развитие в социальной и юридической практике» [Чалых, 2022]. Правовые предписания и морально-этические (нравственно-моральные) нормы в процессе регулирования общественных отношений тесно взаимосвязаны [Coleman, 2007], фактически дополняют друг друга. Многие правовые нормы имеют морально-нравственное содержание, а моральные предписания посредством права приобретают более конкретные формы и гарантии осуществления посредством государственных механизмов. Отечественными правоведами особенно отмечается моральное содержание конституционных норм, закрепляющих свободу, равенство, справедливость, основные права и свободы, гарантии защиты чести и достоинства личности [Цыбулевская, 2004; Алиева, 2006]. Ряд изменений, внесенных в Конституцию России в 2020 году, существенно расширили спектр установлений, имеющих морально-нравственное основание. При этом юридическое оформление таких постулатов на высшем уровне послужило катализатором производного правового регулирования, расширения правового инструментария государственного управления [Чалых, 2022]. Одновременно потенциал морально-этических норм активно реализуется в правоприменительной практике, где особую роль играют решения Конституционного Суда Российской Федерации, призванные в том числе устранять пробелы и коллизии в действующем законодательстве.

Между тем ситуационное, не имеющее правовых пределов и рациональных ограничений применение моральных норм в правотворческой и правоприменительной практике или, напротив, их игнорирование создает определенные риски для системного обеспечения прав и свобод личности как высшей ценности современного правового государства [Новикова, 2021], соблюдения баланса интересов личности, общества, государства. Особую «угрозу» здесь представляет создание условий для «конкуренции» взаимосвязанных субъективных прав личности, а также прав личности и интересов общества (государства) исходя из социальной и (или) политической конъюнктуры, когда морально-этическая составляющая используется как определяющий аргумент при принятии социально и юридически значимых решений уполномоченными субъектами.

Для обоснования актуальности указанной проблематики обратимся к рассмотрению и оценке отечественного и зарубежного опыта использования морально-этических норм (установок) для решения правовых задач.

Использование морально-нравственных категорий в правотворческой и правоприменительной практике

Результаты законотворчества и правоприменения ряда стран, определяющих себя в качестве правового государства, демонстрируют заслуживающие внимания попытки непосредственного правового регулирования вопросов, имеющих выраженный морально-этический аспект. Так, в Российской Федерации (далее – РФ) морально-этическое содержание имеют нормы многих отраслей права: в частности, п. 8 ст. 81 Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ⁷ предусматривает применение дисциплинарных взысканий к работнику, выполняющему воспитательные функции, в случае совершения им аморального проступка, несовместимого с целями данной работы и, соответственно, не допускающего ее продолжения; ч. 1 ст. 73 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁸ в числе других предусматривает обязанность медицинских работников руководствоваться в своей деятельности принципами медицинской этики, а ст. 71 указанного закона прямо закрепляет формулировку и условия принесения клятвы врача, имеющей ярко выраженное морально-этическое содержание; согласно ч. 4 ст. 1349 Гражданского кодекса РФ (части четвертой) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ⁹ объектами патентных прав не могут быть способы клонирования человека и его клон, способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека, использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях, а также иные результаты интеллектуальной деятельности, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали. В свою очередь правовое регулирование таких вопросов, как трансплантация органов и тканей, искусственное прерывание беременности, ЭКО, эвтаназия, в современной России и иных государствах базируется на устоявшихся в обществе морально-этических нормах.

Вне морально-этического контекста зачастую невозможно и правоприменение. Последнее дополняет нормы закона в процессе реализации так называемого «внутреннего усмотрения» должностного лица, которое, применяя закон, должно действовать с учетом принципов справедливости и разумности, а в ряде случаев и сам закон прямо требует соблюдения норм профессиональной этики.

Наиболее демонстративна в рассматриваемом аспекте правоприменительная практика Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ, Суд). Следует отметить, что данный орган власти нередко подчеркивает морально-этическую составляющую отдельных положений закона; давая им оценку, Суд исходит из баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, необходимости и соразмерности ограничений субъективных прав и свобод личности конституционно опосредованным целям, которые также основаны на принципе справедливости, приоритете ряда важных общечеловеческих ценностей. Последние во многом базируются на выработанных обще-

⁷ Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Российская газета. 2001, 31 декабря // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=422331&dst=100001#GAQ9zRTDhdcS4N47> (дата обращения: 20 декабря 2022).

⁸ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Российская газета. 2011, 23 ноября // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=422135&dst=100001#hb3AzRTwBj6o4AFt> (дата обращения: 20 декабря 2022).

⁹ Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Российская газета. 2006, 22 декабря // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=433439&dst=100001#cpGzRTiXivT4R97> (дата обращения: 20 декабря 2022).

ством и нашедших правовое отражение морально-этических предписаниях и морально-нравственных установках.

Так, в своем Определении от 15 мая 2012 г. № 880-О Конституционный Суд РФ отметил, что законодатель, обладая широкой свободой усмотрения в выборе мер защиты важнейших социальных ценностей, соответствующих им прав и определении условий и порядка их предоставления, «связан требованиями Конституции Российской Федерации, которые обязывают его обеспечивать баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая при этом принципы справедливости, равенства и соразмерности, выступающие конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона»¹⁰.

Проверяя конституционность ст. 8 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и оценивая так называемую «презумпцию согласия» на изъятие органов и (или) тканей человека после его смерти, Суд указал, что при осуществлении такого вида медицинского вмешательства в условиях возможного конфликта интересов донора и реципиента достижение баланса конституционно значимых ценностей и охраняемых прав (обоих указанных участников) при правовом регулировании требует учета в том числе нравственных аспектов этого вида медицинского вмешательства¹¹, а также сложившегося общественного отношения к системе трансплантации¹².

Морально-этические основы, указанные ранее критерии соответствия правовых ограничений конституционно опосредованным целям, их соразмерности, адекватности и пропорциональности, а также приоритет интересов ребенка были использованы Судом и при оценке взаимосвязанных положений подп. 6 п. 1 ст. 127 Семейного кодекса РФ и п. 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью. Последние Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они служат основанием для отказа лицу, инфицированному вирусом иммунодефицита человека и (или) вирусом гепатита С, в усыновлении (удочерении) ребенка, который в силу уже сложившихся семейных отношений проживает с этим лицом, если из установленных судом обстоятельств в их совокупности следует, что усыновление позволяет юридически оформить эти отношения и отвечает интересам ребенка¹³.

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»: определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision101625.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

¹¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 459-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30847.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

¹² См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэллы Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 № 224-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision225217.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

¹³ См.: По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.: постановление Конституционного Суда РФ от

Руководствуясь необходимостью соблюдения конституционного баланса публичных и частных интересов, недопуска к осуществлению власти лиц, пренебрегающих законом, Конституционный Суд подтвердил право законодателя установить повышенные требования к репутации лиц, занимающих публичные должности, выраженные в законодательном ограничении пассивного избирательного права для лиц, совершивших определенные категории преступлений. Аргументом выступила и необходимость обеспечения легитимности публичной власти, которая во многом основывается на доверии граждан, отсутствии у них обоснованных сомнений в морально-этических и нравственных качествах публичных должностных лиц и, соответственно, в законности и бескорыстности их действий¹⁴.

В Определении от 18 июля 2006 г. № 310-О Суд в очередной раз отметил: «Специфика судебной деятельности и статуса судьи предполагает наличие у судьи не только высокого уровня профессионализма, но и особых морально-этических качеств. Эти требования сами по себе никоим образом не исключают возможность реализации судьей гражданских прав, однако таким образом, чтобы не умалялись достоинство и авторитет ни данного судьи, ни судебной власти в целом. <...> Особые требования к судье, вытекающие из его статуса как представителя судебной власти, а также возможность прекращения его полномочий вследствие совершения поступка, не совместимого с таким статусом или умаляющего его, не могут расцениваться как нарушающие конституционные права и свободы граждан»¹⁵.

Таким образом, использование принципа справедливости, как и ряда иных морально-нравственных категорий, при решении вопроса об обеспечении баланса между правами и законными интересами личности, общества и государства достаточно распространено в отечественной правотворческой и правоприменительной практике, хотя последняя и отличается неоднозначностью такого «задействования». К примеру, в отдельных случаях, имея формальные основания уйти от официального определения своей позиции по конкретным, имеющим морально-нравственный (морально-этический) аспект вопросам, Конституционный Суд использует такую возможность¹⁶. То есть Суд по своему усмотрению и без каких-либо ограничений может использовать морально-нравственный «инструмен-

20.06.2018 № 25-П // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision338500.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

¹⁴ См.: По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова: постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision142315.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

¹⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Желыбинцевой Маргариты Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 3 и пунктом 1 статьи 12¹ Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», статьей 3 и пунктом 1 статьи 8 Кодекса судейской этики: определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 310-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15332.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

¹⁶ См. напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цветкова Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями федеральных законов «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации», «Об обязательном медицинском страховании» и других нормативных правовых актов: определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1494-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision244195.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2318-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision358380.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022) и др.

тарий» как для разрешения дела по существу, так и для отказа в принятии жалобы к рассмотрению, в том числе воспользоваться сугубо формальными основаниями для такого отказа. В таком подходе усматриваются определенные правозащитные риски [Новикова, 2020], выраженные в угрозе злоупотребления правоприменителем морально-нравственными установками, по сути, используемыми в качестве «альтернативы» конкретной правовой позиции, а также риски дисбаланса между индивидуальным и общественным интересом. Аналогичная тенденция, хотя и менее наглядно, проявляется и в законодательной деятельности. Однако для последней существенной гарантией выступает как раз потенциал правоприменения.

Несмотря на тенденцию универсализации базовых морально-этических представлений в современном мире, позволившей выработать важнейшие международные документы (юридические гарантии) в области прав человека, следует признать, что морально-этические нормы, их трактовки в разных государствах могут существенно отличаться. Имеют место такие отличия и между сообществами внутри отдельных государств. Представляется, именно по этой причине Европейский суд по правам человека часто относит вопросы механизма реализации отдельных положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе имеющие морально-этический характер, к сфере усмотрения конкретных государств, оставляя за собой право последующего контроля за соблюдением общих принципов, заложенных в Конвенции. Так, значительная свобода усмотрения, которая признана судом за государствами-участниками в вопросах о праве человека решить, каким образом и в какое время его жизнь должна окончиться, однополых браках и других, обусловлена отсутствием консенсуса между государствами по таким вопросам, в том числе в силу различий в морально-этической оценке указанных проблемных аспектов внутри самих государств (например, дела *Koch v. Germany* (№ 497/09)¹⁷, *Haas v. Switzerland* (№ 31322/07)¹⁸).

В целом зарубежные (национальные) судебные органы также стараются уйти от прямого использования морально-этических норм и установок. Но достаточно распространены случаи, когда суды, не ссылаясь прямо на соответствующие моральные и этические принципы, тем не менее фактически применяли их. В частности, с учетом таких принципов (и даже с акцентом на них) осуществлялась оценка медицинской информации в деле, а также оценивалась так называемая общепринятая медицинская практика (*accepted good practice*). Например, по делам о возможности поддержания жизни у неизлечимо больных пациентов, находящихся в вегетативном состоянии, учитывался, помимо указанного, и тот факт, что продолжение медицинских манипуляций приводит к унижению ценности человеческого достоинства и личной неприкосновенности¹⁹. В других случаях учитывалось, что будущая жизнь пациента может считаться для него невыносимой, учитывая боль, страдания и качество жизни, если она будет продлена²⁰.

Резюмируя, отметим, что представленная правотворческая и правоприменительная практика свидетельствует о тесном переплетении права и морали, дополняющих друг друга в процессе социального регулирования. Морально-этические нормы могут выполнять как функцию каркаса правового регулирования, так и выступать субсидиарным механизмом регулятивного воздействия. Но при таком тесном взаимодействии право и мораль не взаимопоглощаются и не теряют своей самостоятельности. Как правило, они имеют схожий вектор социального воздействия, но это не исключает конфликтов

¹⁷ *Koch v. Germany* (№ 497/09). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-112282> (дата обращения: 25 ноября 2022).

¹⁸ *Haas v. Switzerland* (№ 31322/07). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-102940> (дата обращения: 25 ноября 2022).

¹⁹ См. напр.: *Airedale NHS Trust v Bland* [1993] AC 789. URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1993/17.html> (дата обращения: 25 ноября 2022).

²⁰ См., напр.: *Re J (A Minor) (Wardship: Medical Treatment)* [1991] 1 Fam. 33. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/11648313/> (дата обращения: 25 ноября 2022).

правового и морального регулирования. Эти регулятивные системы в рамках одних и тех же отношений имеют (каждая) свою сферу приложения и соответствующие этой сфере средства и механизмы регуляторного воздействия. По этой причине невозможно замещение морального регулятора правовым и наоборот. Последнее справедливо как в целом для системы общественных отношений, так и для отдельных ее составляющих. Однако следует признать, что гарантировать недопустимость «ситуационной подмены» и минимизацию правозащитных рисков на должном уровне призван именно механизм правового регулирования.

Анализ и оценка правового потенциала при разрешении морально-этических конфликтов в сфере обеспечения субъективных прав личности

Взаимодействие права и морали отражается и в проблемном аспекте: духовный кризис, неразрешенность моральных противоречий во многом обуславливает негативные процессы и в праве, и в политике, что было обозначено во многих правовых и социологических исследованиях [Цыбулевская, 2004]. В современном неоднородном социуме, как на межгосударственном, так и на национальном уровне, столкнулись разные представления о мире – основанные на «традиционных» ценностях, и постмодернистские, провоцирующие отказ от ранее устоявшихся моральных ориентиров, авторитетов. Это ознаменовало появление целого ряда морально-этических конфликтов, как и противоречивое переустройство общественных отношений.

Ряд зарубежных исследователей вполне обоснованно в качестве одного из факторов, обуславливающих эти процессы, называют «беспрецедентное богатство, накопленное в развитых обществах в прошлом поколении, в результате чего беспрецедентная доля населения выросла, считая выживание само собой разумеющимся. Таким образом, приоритеты населения сместились с экономической и физической безопасности», которые, как представляется, во многом обеспечивались принадлежностью к крупному коллективу (народу, нации, общине, государству), «на личное благополучие, самовыражение и качество жизни. Теперь первостепенное внимание уделяется защите окружающей среды, терпимости к разнообразию и растущим требованиям участия в принятии решений как в своей жизни, так и в экономической и политической жизни в целом» [Knill, Fernández-i-Marín, Budde, Heichel, 2020], защите собственных, индивидуальных интересов в противовес общественным.

Характеризуя все более завоевывающее позиции в современном обществе постмодернистское мировоззрение, современные российские философы отмечают, что оно «связано с отказом от модели разумного, самоосновного, автономного человека, свободного в рамках выбора разумной необходимости; с признанием того факта, что никакой изначальной природы, сущности, нормы у человека нет; человек – продукт подчинения/сопротивления экономическим, социальным, политическим, идеологическим, культурным практикам, формам нормализации. В результате неотъемлемыми характеристиками перехода к постмодерну становятся: рост личной свободы в неразрывной взаимосвязи с ростом неопределённости и незащищённости; неукоренённость, неспособность контролировать внешние обстоятельства, прогнозировать будущее; отсутствие глобальных смысложизненных целей как у человека, так и у человечества; превалирование краткосрочных и среднесрочных планов над долговременными; разрушение аутентичности и идентичности личности, выбор в качестве стиля жизни ускользающего бытия, существования "здесь и сейчас"...» [Волков, 2014].

При этом в обществе на определенных уровнях еще достаточно сильны и традиционные, включая религиозные, ценности. Это порождает «конфликт» системы ценностей и морально-нравственных норм, допустимого и недопустимого.

Такая конфликтная проблематика сегодня существует по поводу многих вопросов (в частности, составляющих центральные элементы основных религиозных доктрин),

таких как: начало жизни, право на аборт, использование и исследования стволовых клеток и вспомогательных репродуктивных технологий, степень признания гомосексуализма и однополых союзов на фоне понимания «греха» и нравственной «чистоты», допустимость установления государством тех или иных ограничений частной сферы [Knill, Fernández-i-Marín, Budde, Heichel, 2020].

При этом следует понимать, что право само по себе не способно однозначно разрешить морально-этические проблемы (конфликты), которые возникают в обществе, взяв на себя функцию морального выбора (в отличие, к примеру, от религиозных норм, многие из которых лежат в основе современных моральных предписаний).

Так, весьма спорными оказались ряд попыток прямого введения моральных предписаний в право (закон). Многие такие нормы оказались слишком общими, не смогли получить адекватного правового механизма обеспечения и, как результат, стали декларативными, то есть фактически не влияющими на поведение участников отношений (недействующими). В других случаях актуализировались риски их произвольного толкования, которое часто оказывалось способно нивелировать саму суть такого предписания. В данной связи заслуживает внимания позиция Конституционного Суда России, которую он впоследствии неоднократно поддерживал: «чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения»²¹. Однако признать такой «посыл» законодателю универсальным, применимым к любому государству, все же нельзя. Как не представляется возможным в точности его исполнить.

В свою очередь правоприменение, во многом обусловленное основополагающими морально-этическими ценностями общества, проявляющимися, например, на уровне внутреннего усмотрения должностного лица, в то же время базируется преимущественно на законе, нуждается в конкретных законодательных формулировках и пределах. Так, даже в правовых системах, где функции судебных органов воспринимаются достаточно широко и зачастую выходят за рамки правосудия, включая право легально истолковать, оценить законность, выявить смысл принятого закона и таким образом даже видоизменить его, наиболее авторитетные судебные инстанции подчеркивают, что «формулирование необходимой широкой социальной и моральной политики, предрешение способа разрешения морально-нравственных конфликтов – это предприятие, на которое у судов нет ни средств, ни права»²². Аналогичная позиция прослеживается и в решениях международных судов (например, п. 84 DECISION *Nicklinson & Lamb v United Kingdom* 2478/15 [2015] ECHR 709²³).

В то же время игнорирование в процессе правового регулирования морально-этической составляющей, как и стремление при разрешении конкретных споров передать это бремя сторонним субъектам, ограничившись формальным подходом, оказалось весьма опасно для общества, например, в таких «чувствительных» сферах социальных отношений, как медицина и образование.

²¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова: постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30247.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

²² *Airedale NHS Trust v Bland* [1993] AC 789. URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1993/17.html> (дата обращения: 25 ноября 2022).

²³ См.: *Nicklinson & Lamb v United Kingdom* 2478/15 [2015] ECHR 709. URL: <http://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2015/709.html> (дата обращения: 25 ноября 2022).

Как справедливо отмечается в научной литературе, нормативные правовые акты в области прав человека при их формальной трактовке без учета морально-этической составляющей оказываются неспособны разрешить глубоко укоренившиеся моральные споры, да и в целом обеспечить так необходимый для правового регулирования социальный компромисс, к примеру, в таких вопросах, как надлежащее отношение к человеческому эмбриону, нормирование и приоритетность оказания медицинских услуг и др. Сугубо юридический характер их разрешения, напротив, усугубляет (обостряет) такие споры, меняя их существо. В итоге моральная дилемма становится исключительно проблемой обеспечения субъективного права в том виде, в котором желает конкретный субъект (как правило, правоприменения), а медицинская деятельность, образование, воспринимаются на уровне обычных коммерческих услуг, рыночного блага [Montgomery, 2006], в результате теряя свою социальную сущность и назначение; происходит деморализация и субъектов профессионального сообщества.

Анализируя практику высшестоящих судебных инстанций Великобритании, исследователи также отмечают, что суды неоднократно демонстрировали нежелание разрешать вопросы, связанные с принципами и порядком нормирования в области оказания медицинских услуг, применяли формальный подход по вопросу о так называемом информированном согласии пациента, игнорируя фактическую его вынужденность в виду отсутствия у пациента специальных познаний, исходили из позиции невмешательства, презумпции обоснованности и истинности решений медицинских работников (например, дело *Bolam v Friern Hospital Management Committee* [1957] 1 W²⁴), отказывались признавать законное право пациента на конкретное лечение, ссылаясь на текущую медицинскую практику, установленную самими же медицинскими работниками, что позволяло медицинским организациям снижать уровень предоставляемых пациенту гарантий, допускать прямые нарушения законодательства в отсутствие должного контроля. Можно согласиться и с тем, что вытеснение моральных аргументов в пользу формальных юридических прав не учитывает целый ряд факторов [Montgomery, 2006], в результате чего невозможно обеспечить сбалансированное правовое регулирование. В то же время видится, что причина была не только в игнорировании судами морального аспекта проблемы, но и в нежелании применять правовые процедуры проверки законности и обоснованности таких решений, что и приводило к невозможности граждан защитить свои права, противодействовать злоупотреблениям при оказании медицинских услуг.

Этой же позиции придерживался и судья Верховного суда Южной Австралии в одном из широко известных прецедентов, который, оценивая так называемую одобренную профессиональную практику, установил, что она может развиваться в профессиях не потому, что служит интересам клиентов, а потому, что защищает интересы или удобство представителей профессии. Суд же обязан тщательно изучать профессиональную практику, дабы убедиться, что она соответствует стандарту разумности, установленному законом. «Главный вопрос, однако, заключается не в том, соответствует ли поведение обвиняемого практике его профессии или какой-либо ее части, а в том, соответствует ли оно стандарту разумной осторожности, требуемому законом. Это вопрос к суду, и обязанность решать его не может быть передана какой-либо профессии или группе в сообществе...» (дело *F v R* [1983] SASC 6588²⁵).

Указанный подход контекстно поддерживают и некоторые исследователи, которые справедливо отмечают, что при регулировании общественно значимых вопросов, имею-

²⁴ *Bolam v Friern Hospital Management Committee* [1957] 1 W. URL: <https://imlindia.com/downloads/Bolam.v.Friern.Hospital.Management.Committee.pdf> (дата обращения: 25 ноября 2022).

²⁵ *F. & Anor v R* [1983] SASC 6588. URL: [http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/sa/SASC/1983/6588.html?context=1;query=F%20v%20R%20\(1983\)%20%20%20;mask_path=](http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/sa/SASC/1983/6588.html?context=1;query=F%20v%20R%20(1983)%20%20%20;mask_path=) (дата обращения: 25 ноября 2022).

щих моральный аспект, именно закон, несмотря на все имеющееся проблемы правового регулирования, должен быть главным (окончательным) «арбитром» [Foster, Miola, 2015].

В зарубежной научной литературе неоднократно отмечалась асимметрия между законодательными нормами, правилами «формальных» (государственных) институтов и неписаными, но разделяемыми обществом нормами, так называемой общественной моралью. Исследователи отмечают, что «общество дает моральную оценку справедливости официальных норм, и от этого во многом зависит уровень их соблюдения» [Williams, Horodnic, 2016]. При этом и сама общественная мораль не так однозначна: она включает в себя морально-этические представления различных групп, которые по отдельным вопросам не совпадают. В итоге повышается значимость права как средства социального компромисса, что обуславливает необходимость выработки адекватных форм отражения морально-этического аспекта в праве.

Для решения обозначенных проблем необходимо обеспечить взаимодействие права и иных социальных норм, а соответственно, государства и других социальных институтов – при правовом регулировании. Однако существующие внутри (гражданского) общества структуры (например, церковь, общественные объединения, иные коллективные и индивидуальные субъекты), участвующие в поддержании стабильности внутренней организации социума, обеспечении устойчивости традиционных норм и ценностных ориентаций и выработке новых, формировании баланса социальных интересов, часто намеренно «гасят» или «не замечают» возникающие противоречия, сдерживают, сворачивают дискуссии по этому поводу [Knill, Fernández-i-Marín, Budde, Heichel, 2020]. Такая практика «загоняет проблему вглубь», не способствует ее «переживанию», анализу, выработке той или иной социально приемлемой формы разрешения. Участники многих профессиональных сообществ, где морально-этические конфликты проявляют себя, тоже не всегда ведут себя добросовестно, руководствуясь сугубо корпоративным интересом, в результате теряют общественное доверие, не могут выполнять свою функцию в выработке компромисса.

Ситуация осложняется и часто стихийном выходом неразрешенных обществом моральных дилемм в еще незрелом виде в сферу политики [Knill, Fernández-i-Marín, Budde, Heichel, 2020], где они становятся частью «политической игры» и в конце концов получают часто непродуманное, неожиданное даже для самих политических субъектов правовое выражение, особенно в условиях снижения критичности суждений в политическом пространстве современного общества, где сильны постмодернистские ценности. Результаты могут быть неоднозначными, но, как правило, имеют негативный характер: от повышения политического рейтинга отдельных акторов за счет манипулирования общественным мнением до принятия законов, подрывающих устои общественного строя, а в отдельных случаях, нивелирующих конституционно опосредованные ценности, принципы, цели, гарантии.

Заключение

Подводя итоги, приходим к выводу, что право способно относительно эффективно урегулировать общественные отношения, в том числе с морально-этической составляющей, когда спорные вопросы уже получили в социуме более или менее однозначное разрешение; этот процесс не может быть спонтанным. Причем правовое регулирование, скорее всего, будет осуществляться лишь на наиболее высоком (общем) уровне, что не предполагает освобождения участников конкретных отношений от необходимости личного морального выбора, проявления свободы воли, осознания ответственности за свой выбор. Морально-этические (морально-нравственные) нормы должны иметь субсидиарный (по отношению к правовым установлениям), но не факультативный и не альтернативный характер. Их нельзя игнорировать. При этом именно право призвано сформировать рациональные гарантии учета моральной составляющей при регламентации общественных отношений.

Представляется, наиболее подходящими для достижения этой цели правовыми инструментами являются: принципы права (уже устоявшиеся или вновь сформулированные, вплоть до их законодательного закрепления); уже знакомый и активно используемый судебными органами многих стран метод закрепления правовых приоритетов и ценностей посредством их допустимой интерпретации в процессе правоприменения; критериальный подход (закрепление критериев принятия правовых решений по «моральным» вопросам, к примеру, по аналогии с рядом так называемых «обязательных» прецедентов вышестоящих судов в англосаксонских правовых системах), либо посредством прямой формализации в законе). При таком достаточно общем уровне правовой регламентации правоприменение при разрешении конкретных правовых ситуаций должно осуществляться в соответствии со всеми базовыми правовыми принципами, моральными, нравственными, этическими установками и в рамках закона (в пределах усмотрения, определяемых законом). В отдельных случаях для обеспечения единообразия (чего требует и стабильность правового регулирования, и базовый принцип справедливости) при разрешении правовых споров уполномоченным субъектам придется принимать и принципиальные, вполне конкретные юридически значимые решения.

В данной связи следует согласиться с мнением исследователей о необходимости использования интегрированной модели соотношения права и морали. Способ достижения такой интеграции видится в правовой регламентации (законотворчестве), которому может предшествовать организация широкого общественного обсуждения, например, в рамках специально создаваемых или постоянно действующих профильных общественных структур, включающих не только членов соответствующих профессиональных сообществ, но и так называемых «непрофессионалов» из числа иных заинтересованных представителей гражданского общества.

Для отечественной правотворческой практики можно обозначить приоритетным закрепление на уровне базовых (рамочных) федеральных законов морально-этических критериев оценки (законодательных) положений с целью полноценной и эффективной реализации последних в конкретных правоотношениях, в том числе в форме правоприменения. При этом указанные критерии должны не только иметь системный характер, то есть применяться одновременно и в полном составе, но и опираться на общепризнанные, конституционно опосредованные правовые принципы, такие, как приоритет личности, ее прав и свобод, справедливость, равноправие, гуманность и другие.

Список литературы

- Алиева М.Н. 2006. Нравственность как объект конституционно-правовой защиты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 30 с.
- Волков В.Н. 2014. Постмодерн и его основные характеристики. Культурное наследие России, 2: 3–8.
- Новикова А.Е. 2020. Категории правозащитного ряда в ежегодных посланиях Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 45(3): 542–549. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-542-549.
- Новикова А.Е. 2021. Научно-презентационная модель конституционной теории правозащитных рисков. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 46(3): 553–560. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-553-560.
- Цыбулевская О.И. 2004. Нравственные основания современного российского права: дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 430 с.
- Чалых И.С. 2022. Правовое значение и потенциал морально-нравственных категорий в Конституции России. *Вестник. Государство и право*, 2(33): 34–39.

- Coleman J.L. 2007. Beyond the Separability Thesis: Moral Semantics and the Methodology of Jurisprudence. *Oxford Journal of Legal Studies*, 27(4): 581–608. URL: <https://doi.org/10.1093/ojls/gqm014>.
- Foster C., Miola J. 2015. Who's in Charge? The Relationship between medical Law, medical Ethics and medical Morality? *Medical Law Review*, 23(4): 505–530. URL: <https://doi.org/10.1093/medlaw/fwv004> (дата доступа: 12.07.2021).
- Knill C., Fernández-i-Marín X., Budde E., Heichel S. 2020. Religious tides: The time-variant effect of religion on morality policies. *Regulation & Governance*, 14(2): 256–270.
- Montgomery J. 2006. Law and the demoralisation of medicine. *Legal Studies*, 26(2): 185–210. DOI: 10.1111/j.1748-121X.2006.00004.x.
- Williams C.C., Horodnic I.A. 2016. An institutional theory of the informal economy: some lessons from the United Kingdom. *International Journal of Social Economics*, 43(7): 722–738. URL: <https://doi.org/10.1108/IJSE-12-2014-0256>.

References

- Alieva M.N. 2006. Nравstvennost' kak ob'ekt konstitucionno-pravovoj zashchity [Morality as an object of constitutional and legal protection]: abstract of the diss. ... candidate of legal sciences. *Mahachkala*, 30 p.
- Volkov V.N. 2014. Postmodern i ego osnovnye harakteristiki [Postmodern and its main characteristics]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*, 2: 3–8.
- Novikova A.E. 2020. Categories of the human rights series in the annual messages of the President to the Federal Assembly Russian Federation. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 45(3): 542–549 (in Russian). DOI: 10.18413/2712-746X-2020-44-3-542-549
- Novikova A.E. 2021. Scientific Presentation Model of the Constitutional Theory of Human Rights Risks. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series*, 46(3): 553–560 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-553-560
- Cybulevskaya O.I. 2004. Nравstvennye osnovaniya sovremennogo rossijskogo prava [Moral foundations of modern Russian law]: diss. ... doctors of law. sciences'. *Saratov*, 430 p. (in Russian)
- Chalykh I.S. 2022. Pravovoe znachenie i potencial moral'no-nравstvennykh kategorij v Konstitucii Rossii [Legal meaning and potential of moral categories in the Constitution of Russia]. *Vestnik. Gosudarstvo i pravo*, 2(33): 34–39.
- Coleman J.L. 2007. Beyond the Separability Thesis: Moral Semantics and the Methodology of Jurisprudence. *Oxford Journal of Legal Studies*, 27(4): 581–608. URL: <https://doi.org/10.1093/ojls/gqm014>.
- Foster C., Miola J. 2015. Who's in Charge? The Relationship between medical Law, medical Ethics and medical Morality? *Medical Law Review*, 23(4): 505–530. URL: <https://doi.org/10.1093/medlaw/fwv004>
- Knill C., Fernández-i-Marín X., Budde E., Heichel S. 2020. Religious tides: The time-variant effect of religion on morality policies. *Regulation & Governance*, 14(2): 256–270. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/rego.12203>.
- Montgomery J. 2006. Law and the demoralisation of medicine. *Legal Studies*, 26(2): 185–210. DOI:10.1111/j.1748-121X.2006.00004.x.
- Williams C.C., Horodnic I.A. 2016. An institutional theory of the informal economy: some lessons from the United Kingdom. *International Journal of Social Economics*, 43(7): 722–738. URL: <https://doi.org/10.1108/IJSE-12-2014-0256>.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.12.2022

Received December 01, 2022

Поступила после рецензирования 14.12.2022

Revised December 14, 2022

Принята к публикации 19.12.2022

Accepted December 19, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванова Ольга Святославовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия

 [ORCID 0000-0003-4530-3235](https://orcid.org/0000-0003-4530-3235)

Чалых Ирина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия

 [ORCID 0000-0002-7854-0475](https://orcid.org/0000-0002-7854-0475)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga S. Ivanova, Candidate of Juridical sciences, Associate Professor of the Department of State Legal Disciplines, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

 [ORCID 0000-0003-4530-3235](https://orcid.org/0000-0003-4530-3235)

Irina S. Chalykh, Candidate of Juridical sciences, Head of the Department of State Legal Disciplines, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

 [ORCID 0000-0002-7854-0475](https://orcid.org/0000-0002-7854-0475)